

14. Panov P.V. Regionalnyy politicheskiy rezhim Permskoy oblasti: «soobshchestvo elit bez dominiruyushchego aktora»? *Politicheskiy almanakh Prikamya*. Perm: Pushka, 2002, Vol. 2, pp. 96–106.
15. Popov E.A. Nastupleniye na russkiy yazyk na Ukraine: do i posle «oranzhevoy» revolyutsii. *Sovremennyye politicheskiye protsessy na Ukraine*. Rostov on Don, 2009, pp. 125–137.
16. Romanova V.V. *Transformatsiya politichnogo rezhimu v Ukraini na regionalnomu ta subregionalnomu rivni*. Mikolayev, 2008, 19 p.
17. Sibiryakov S. *Elektoralnaya geografiya o prostranstvennykh zakonomernostyakh vyborov, elektoralnom povedenii i identichnosti ukrainskikh izbirateley*. Available at: <http://www.iarex.ru/interviews/7391.html>.
18. Turovskiy R.F. Strukturirovaniye vlasti v rossiyskikh regionakh: mezhdru konsolidatsiyey i konkurentsiyey elit. *Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii*. Moscow, 2011, pp. 390–405.
19. Turovskiy R.F. Regionalnyye politicheskiye rezhimy v Rossii: k metodologii analiza. *Polis*. 2009, no. 2, pp. 77–95.
20. Uilson E. Retsenziya: Anders Aslund. How Ukraine Became a Market Economy and Democracy. *Pro et Contra*. 2009, no. 5–6 (47), pp. 154–157.
21. *Ukraina: Protsesi natsiotvorenniya*. Kiev, 2011, 416 p.
22. *Fenomen Vladimira Putina i rossiyskiye regiony: pobeda neozhidannaya ili zakonomernaya?* Moscow: Materik, 2004, 368 p.
23. O'Donnell G. Delegative Democracy. *Journal of Democracy*. Baltimore, 1994, vol. 5, no. 1, pp. 55–69.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЯХ: ЛАТЕНТНЫЕ СТРУКТУРЫ ИЛИ ПУБЛИЧНЫЕ АКТОРЫ?

Мирошниченко Инна Валерьевна, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: mirinna78@mail.ru

Усманов Рафик Хамматович, доктор политических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414026, Россия, г. Астрахань, ул. Тагитцева, 20а
E-mail: usmanr@mail.ru

Сетевизация публичной политики обуславливает формирование принципиально новой модели организации социально-политического пространства. Предмет данного исследования – способы актуализации субъектности социальных сетей в социально-политическом пространстве регионов России. Цель исследования состояла в выявлении и обосновании роли социальных сетей в формировании институционального дизайна региональных политий современной России. Анализ результатов эмпирических исследований сетевых структур региональных политий Краснодарского края и Астраханской области на основе бинарного сравнения показал, что открытые социальные сети несут в себе мощный потенциал низкой гражданской активности, способствующей формированию общественно-значимого дискурса регулирования государственного администрирования и влиянию на решения общественно-значимых проблем. Как в научном, так и в практически-прикладном аспектах представляется важным исследование роли социальных сетей в формировании институционального дизайна публичной политики. Институционализированные формы политического капитала открытых сетевых структур способствуют формированию акторов публичной политики и расширению ее границ.

Ключевые слова: социальные сети, социальный и политический капитал, публичная политика, теневая сфера и латентные структуры в политике.

SOCIAL NETWORKS IN REGIONAL POLICY: LATENT STRUCTURES OR PUBLIC ACTORS?

Miroshnichenko Inna V., Ph.D. (Political Science), Associate Professor

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russia
E-mail: mirinna78@mail.ru

Usmanov Rafik H., D.Sc. (Political Science), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: usmanr@mail.ru

Public policy networking causes formation of a fundamentally new model of organization of social and political space. The subject of this study – how to update the subjectivity of social networks in the social and political space of the Russian regions. The purpose of the study was to identify and substantiate the role of social networks in shaping the institutional design of regional policy in modern Russia. Analysis of the results of empirical studies of networks of regional policy of the Krasnodar krai and the Astrakhan region on the basis of binary comparisons showed that the open social networks are a powerful potential of grassroots civic engagement that encourage meaningful public discourse regulate public administration and influence the decisions of socially significant issues. It's important to investigate the role of social networks in shaping the institutional design of public policy both in scientific and in the practical aspects. Institutionalized forms of political capital in the open networks of actors contribute to the formation of public policy and the expansion of its borders.

Keywords: *social networks, social and political capital, public policy, the shadow sphere and latent structures in policy.*

Развитие публичной сферы современного политического пространства тесно связано с формированием сетевых акторов. Сетевизация публичной политики обуславливает формирование принципиально новой модели организации социально-политического пространства, в котором доминируют горизонтальные сетевые коммуникации и появляются множество разнообразных акторов, участвующих в преобразовании публичной политики, возрастает роль и значение сетевых структур, обладающих высоким потенциалом самоорганизации и мобилизации. В то же время в российском политическом процессе наблюдается доминирование неформальных политических практик основанных на сетевых ресурсах, которые кроются в теневой сфере под фасадными отношениями публичности [2, 8].

Как в научном, так и в практически-прикладном аспектах представляется важным исследование роли социальных сетей в формировании институционального дизайна публичной политики. В рамках эмпирического исследования «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества» авторами были исследованы сетевые структуры Астраханской области и Краснодарского края и их роль в формировании публичной политики регионов¹. Выбор регионов обоснован следующими факторами:

- оба региона имеют достаточно много общих характеристик (пограничный геополитический статус, развитую систему взаимодействия с приграничными территориями, диверсифицированный характер региональной экономики и значительная роль в ней коммуникаций, выраженные интересы топливно-энергетического и туристического комплекса, полиэтничный и поликонфессиональный состав населения, выраженность региональной и локальной идентичности, высокая плотность межличностных связей);

¹ Концептуальная структура проведенного политологического исследования основывалась на методологии двойной рефлексивности¹. Ее основа – сочетание теории, качественной стратегии и стиля коллективной исследовательской работы: по мере продвижения исследований частные аспекты этой методологии проверялись, изменялись и развивались дальше. Для выбранной качественной стратегии наиболее значимыми является интерактивность, связанная с вживанием в изучаемые сообщества и глубинное интервью с помощью самонацеленных и полуструктурированных опросников, а также метод подготовки, взаимной поддержки, и взаимного вклада в развитие методологической и методической частей эмпирических исследований на основе метода «длинного стола». Методика нашего эмпирического исследования основывалась на сочетании таких традиционных методов сбора социологической информации как глубинное интервью и кейс-стади, а также интерактивный качественный анализ электронных ресурсов и online-интерактивный сбор и анализ социологической информации в режиме реального времени.

- регионы имеют весомые отличия (социокультурная гетерогенность в Астраханской области выражена больше, в этом регионе значительней роль политической оппозиции, в то же время Краснодарский край демонстрирует большую динамику в области инновационного развития территории, привлечения инвестиций, внедрения принципов социально ориентированного территориального маркетинга).

Метод кейс-стади (изучены и интерпретированы 30 кейсов региональных сетей, относящихся к разным типам) позволил охарактеризовать механизмы формирования и функционирования политических ресурсов сетей и способов их позиционирования в региональном политическом пространстве¹.

Актуализация политической субъектности социальных сетей в публичной политике обусловлена конвертацией сетевых ресурсов (социального капитала) в различные формы политического капитала. Под политическим капиталом понимается инкорпорированная способность представителей социальных сетей, взаимодействующих на основе межличностного доверия и разделяемыми всеми участниками норм и ценностей, к мобилизации коллективных действий и участию в этих действиях; способность институционализированной социальной сетью коллективного субъекта репрезентировать интересы других агентов, которые делегируют ему права на представительство своих интересов [9]. Если социальный капитал способствует формированию действенных солидарностей и складывающихся на ее основе сетевых формах самоорганизации, то социальные сети, являясь структурным компонентом социального капитала, воспроизводят и / или изменяют формальные и неформальные институты, определяющих содержание публичной политики. Согласно П. Бурдье, как и другие виды капитала, политический капитал может существовать в трех состояниях [1, с. 219]: 1) инкорпорированная форма политического капитала – совокупность относительно устойчиво воспроизводимых диспозиций (правила, из которых вытекают права, обязанности и ответственность участников), способностей участников социальной сети к репрезентации интересов и мобилизации коллективных действий, в том числе используя имиджевые и символические ресурсы сети; 2) объективированная форма означает принятие политическим капиталом овеществленных форм, которые доступны участникам сети в предметной форме (организационные, материальные, финансовые ресурсы, информационные ресурсы, находящиеся в распоряжении); 3) институционализированная форма политического капитала предполагает объективированные формы признания данного вида политического капитала (структуры лидерства, элиты и другие элементы политической стратификационной системы).

Инкорпорированная, объективированная и институционализированная формы политического капитала отражаются в формальных и неформальных практиках в публичной политике, которые освоены участниками и структурами социальных сетей [6, с. 69].

Способы актуализации политических практик социальных сетей зависят от типа социального капитала, т.е. «радиуса доверия» социальных связей между представителями сети и имеющихся в их распоряжении различных ресурсов, а также стратегий социальной и политической деятельности сети. «Радиус доверия» определяется уровнем действия социального капитала в обществе на микро-, мезо- и макроуровнях [11, с. 42–44].

На микроуровне рассматривается способность социальных сетей накапливать и распределять ресурсы, повышать эффективность коллективных действий, обеспечи-

¹ Создание кейсов предполагало включение в исследовательский арсенал разнообразных методов сбора информации: интервьюирование представителей социальной сети, включенное наблюдение, анализ документов и СМИ. В тоже время многие кейсы географически выходят за рамки региональных сетевых пространств публичной политики. Данное обстоятельство объясняется «выходом» сетевых коммуникаций, с одной стороны, за пределы региона (на межрегиональный, федеральный и международные уровни); с другой, – в online-пространство публичной политики.

вать доступ к ресурсам и достижение целей индивидуумов за счет их социальных контактов. Основным компонентом воспроизводства социального капитала на макроуровне является структурные элементы социальной сети, которая представлена статусами, правами и позициями индивидов по отношению к ресурсам ее сети.

На мезоуровне формируются нормы и правила, доступ к различным социальным ресурсам, определяющие социальное взаимодействие акторов социальных сетей и формирующихся на их основе социальных сообществ. «Правила игры», установленные социальными сетями, определяет тип развития социальных сетей. 1. Закрытые сети замкнуты на тесных интенсивных связях между ее акторами и ее деятельность не направлена на расширение своих границ пополнением контактов, социальный капитал воспроизводится путем многократного обращение членов к компонентам социального капитала. Тесные связи обеспечивают эффективный контроль поведения всех членов сети. 2. Открытые сети стремятся к расширению своих границ, увеличению числа контактов: не все члены сети, связаны социальными отношениями и контактируют. В отличие от замкнутых сетей, способных накапливать и удерживать социальный капитал, открытые сети воспроизводят социальный капитал в большей степени за счет установления новых социальных контактов, расширения социальной сети и обновления состава участников, что дает возможность доступа к новым социальным ресурсам. Эффективного контроля над действиями своих членов открытые сети не обеспечивают, но компенсируют это своими инновациями, привнесенными новыми участниками, что в итоге может привести к повышению эффективности коллективных действий.

Макроуровень воспроизводства социального капитала, обеспечивает эффективное социальное взаимодействие индивидов, коллективные действия социальных групп, общностей и общества в целом за счет таких факторов как социальные институты и культурные паттерны. В сфере публичной политики социальный капитал обеспечивает развитие гражданских институтов формирование политических субъектов на основе социальных оснований.

Эмпирические исследования актуализации социальных сетей в публичной политике Краснодарского края и Астраханской области, а также триангуляция полученных результатов с другими региональными случаями сетевой активности в публичной политике, позволил типологизировать структуры социального капитала, их конвертируемости в различные формы политического капитала посредством публичных и неформальных политических практик (табл.).

Таблица

Социальные сети в формировании политического капитала современного российского общества

Типы социальных сетей	Тип социального капитала, производимых деятельностью социальных сетей	Формы конвертации социального капитала в политический	Функции политического капитала в институциональной среде публичной политики	Тип производства публичной политики
Открытые социальные сети, с расширяющимся составом участников и ориентированных на развитие социальных взаимодействий, связанных с потреблением ресурсов сети	Производство социального капитала как общественного блага, способствующего политической организации граждан	Формальные политические практики институционализации сетевых сообществ	Социетальная интеграция общества	Процесс производства публичной политики носит открытый характер, основанный на конструктивном взаимодействии власти и

				гражданского общества на всех фазах цикла публичной политики
Закрытые социальные сети, имеющие «входные» барьеры и ориентированные в своей деятельности на охранную стратегию ресурсов участников сети	Производство социального капитала как клубного (частного) блага, способствующего формированию клика (клиентел) в политике	Неформальные политические практики институционализации сетевых сообществ	Социальная интеграция на микроуровне и социальная дезинтеграция на макроуровне общества	Процесс производства публичной политики носит открытый характер, ориентированный на обеспечение частных интересов элитных групп

Первый тип социального капитала выступает как совокупность общих правил для всех участников публичного пространства, их коллективная деятельность формируется на основе деперсонифицированного доверия, преследующих частные интересы, но направленные на решение общественно значимых проблем. По своей функциональной нагрузке социальный капитал первого типа выступает как общественное благо. Дж. Коулман обращает внимание, что «...виды социальных структур, способствующие развитию и совершенствованию социальных норм и санкций, не приносят выгоды, прежде всего человеку и группам людей, чьи усилия были необходимы при их создании, но приносят пользу всем тем, кто является частью такой структуры» [3, с. 136]. Социальный капитал как общественное благо [7] порождает обширные положительные внешние эффекты в сфере публичной политики, проявляющихся в публичных политических практиках.

Рассмотрим позитивные эффекты институционализированного политического капитала на примере родительской сети по поддержке детей-инвалидов в Астраханской области». Родительская сеть по поддержке детей инвалидов была создана в г. Астрахани в 1990 г. из семи родительниц, имеющих детей-инвалидов с заболеванием ДЦП. В течение года сеть функционировала для обмена информационными (технологиях лечения и реабилитации, возможностях качественного обучения, получения социальной помощи и т.д.) и эмоциональными ресурсами (эмоциональная поддержка, чувство сопричастности и т.д.). В январе 1991 г. сеть институционализировалась в Астраханскую региональную общественную организацию по оказанию помощи детям-инвалидам и их семьям. Первоначально организаторы поставили перед собой такие задачи деятельности как представлять и защищать права и интересы детей-инвалидов, реализовывать в жизнь установленные для них действующим законодательством льготы и преимущества, решать их социально-бытовые вопросы. В процессе своей деятельности лидера родительской сети смогли не только конструктивно выстроить свои отношения с региональными и местными органами власти, но и привлечь ресурсы других сетевых структур и некоммерческих организаций. Ее деятельность поддерживается Министерством социального развития и труда Астраханской области, Центром занятости населения г. Астрахани. *«Мы никогда не шли кричальной..., а шли и конструктивно разрабатывали с властью наши предложения».* Так, например, был создан многофункциональный социально-реабилитационный центр «Русь» санаторного типа, с отделением для молодых инвалидов, где апробируются инновационные методики по реабилитации детей инвалидов. Организация максимально использует ресурсы других сетевых структур: *«Примерно 10 % родителей в нашей сети – успешные предприниматели. Им не нужна материальная поддержка,*

но для них важно, чтобы их дети были востребованы обществом, задействованы в различных мероприятиях... Для этого они мобилизуют ресурсы предпринимательских сетей, нам помогает региональное отделение «ОПОРА Росси», «ЭкспрессВолга-Банк» и т.д.». Астраханская региональная общественная организация по оказанию помощи детям-инвалидам и их семьям встроена с сетевое сотрудничество практически со всеми организациями некоммерческого сектора Астраханской области для решения заявленных ими задач. Организацией проводится большая благотворительная работа: создаются группы волонтеров по работе с детьми, проводятся культурно-массовые и спортивные мероприятия, организуются учебные и ознакомительные мероприятия как для детей, так и для родителей. Способность формального лидера и неформального лидерского окружения репрезентовать интересы родительской сети и мобилизовать ее участников на коллективные действия привели к существенным изменениям в реализации социальной политики Астраханской области: создана региональная система поддержки инвалидов, внедрены образовательные и реабилитационные программы для людей с ограниченными возможностями. За 11 лет председательства лидера организации Н.В. Костюченко сеть увеличилась с 42 до 1070 семей, имеющих детей инвалидов. За этот период разработано и действуют 9 региональных программ, помогающих детям-инвалидам и их семьям адаптироваться к существующим условиям жизни.

Позитивные эффекты институционализированного политического капитала демонстрирует и проблемная сеть «Реконструкция центра Краснодара», заложившая механизмы для конструктивного сетевого межсекторного сотрудничества. Так, в 2005 г. администрацией города Краснодара было принято стратегическое решение о реконструкции центральной части Краснодара. В зону реконструкции вошли 274 квартала с населением около 250 тыс. чел. Основные участники ситуации – население, администрация города и крупнейшие инвесторы – сформировали проблемную сеть, отличающуюся всеми видовыми признаками: конфликтность, подвижность, асимметрия ресурсов, консультации как основа отношений, существование «барьера компетентности», большое количество участников с ограниченной степенью взаимозависимости.

Интересы населения состояли в улучшении жилищных условий, соблюдении прав собственников и максимальной информационной открытости проекта, получении нового жилья в центральной части города. Интересы администрации муниципального образования – реконструкция центральной части, развитие инфраструктуры, увеличение объемов вводимого жилья, строительство нового жилого района для отселяемых из ветхого фонда, изменение имиджа города. Интересы инвесторов – обеспечение стабильности бизнеса и его развития, получение новых площадок под застройку, рост спроса на жилье. Каждый из участников имеет еще и латентные интересы, например, отселяемые граждане стремятся получить максимальную компенсацию за ветхое жилье, а администрация стремится с помощью целевой программы «Краснодару – столичный облик» повлиять на свой рейтинг. Данная сеть представляет собой яркий пример конвертируемости ресурсов в различные институционализированные формы политического капитала. Поскольку ни один из участников не может реализовать свои интересы без одобрения / согласия остальных, совместными действиями были предприняты меры, повышающие прозрачность проекта и создающие основу для постоянных консультаций сторон: 1) со стороны населения была создана инициативная группа «Прожектор реконструкции», которая постоянно проводила информационный мониторинг и выявляла «черные дыры» в реализации проекта реконструкции; 2) со стороны органов власти: администрация инициировала проведение публичных слушаний, было открыто специальное подразделение в структуре аппарата администрации МО г. Краснодар по взаимодействию с заинтересованной общественностью; первые лица города регулярно проводили «горячие линии» для граждан; 3) со стороны бизнеса: инвесторы открыли общественные приемные в своих корпорациях; были организованы публичные встречи с гражданами в кварталах,

отнесенных к зоне реконструкции; велась активная PR-компания проекта в региональных и местных печатных СМИ, посредством социальной рекламы (листовки, буклеты и баннеры для населения).

Наиболее активно участники проблемной сети проявляли себя в самом начале ее существования, когда региональные и местные власти заявили о масштабных и оперативных сносах жилья. Затем очевидная активность сети начала падать, хотя план реконструкции города одобрен на публичных слушаниях и принят городскими властями. Очевидно, некоммерческие организации и жители Краснодара еще заявят о своих интересах в тот момент, когда начнется активный снос жилья (первая очередь – к 2015 г., вторая очередь – к 2025 г.).

Данные кейсы демонстрируют как региональные социальные сети, ориентированные на развитие и производство социального капитала как общественного блага, наращивают в процессе их публичной деятельности политический капитал. Социальные сети, способствующие развитию социального капитала как общественного блага, имеют открытый характер, ориентированы на постоянное включение новых акторов в сетевое взаимодействие и потребление общественного блага. Конвертируя сетевые ресурсы в различные формы политического капитала, акторы сетей демонстрируют эффективность публичных практик в решении общественно значимых проблем.

Структура социального капитала первого типа характеризуется общностью целевых функций акторов сетей с ориентацией на представительство коллективных интересов во взаимодействии с органами власти, общественными и политическими структурами. В свою очередь, институционализация социальных сетей в формах конструктивного сотрудничества с органами власти способствует формирования новых свойств и качеств публичной власти, которые В.Г. Ледаев определяет как интеркурсивная власть: «Акторы с взаимодополняющими типами ресурсов и / или обладающие командной властью в своих сферах вступают в переговоры для выработки условий кооперации. Кооперация позволяет достичь им целей, которых они не смогут достичь самостоятельно... В этом случае более значимым становится вопрос о том, кто может обеспечить координацию усилий нескольких акторов, занимающих стратегические позиции» [5, с. 45–46].

Второй тип капитала социального капитала, который был выявлен в результате эмпирических исследований, основывается на личных неформальных связях участников сети, взаимодействующих на основе межличностного персонализированного доверия и объединенных локальными групповыми нормами и правилами. «Связывающий» социальный капитал представляет собой запас социальных контактов в виде «клубного блага» [10, с. 17], позволяющий за счет локального взаимодействия обеспечить себе доступ к различным видам ресурсов. Связи и отношения членов социальной сети дает возможность им вписаться в существующую институциональную среду публичной политики посредством получения преференций от принадлежности к данной социальной группе. «Свойство неисключаемости в потреблении существует только для участников клуба – коалиции, при этом члены сети способны исключить из числа потребителей клубного блага тех, кто не принимает участия в его предоставлении» [4, с. 38]. Сеть приобретает иерархический характер, имеющие высокие «входные» барьеры, административный ресурс из-за включения в сеть чиновников различного уровня играет доминирующую роль. Публичные институционализованные формы политического капитала становятся фасадом для неформальных правил игры и отношений. Как показывает астраханский кейс, в сетевом взаимодействии бизнеса и власти в сфере экологического туризма, наблюдается преобладание неформальных политических практик над формальными. Формирование коммерческого сектора экологического туризма в Астраханской области, ориентированного на предоставление туристических услуг в сфере рыболовства и охотничества, связано с природно-географическими особенностями территории и сложившейся специализацией региональной экономики. По оценке чиновника Министерства спорта и туризма Правительства Астраханской области: «В Астраханской области проживает около

1 млн чел. жителей, из них 500 тыс. в областном центре, 500 тыс. – на территории области. Туристический поток ежегодно составляет 2 млн чел., из них 80 % – рыбаки и охотники». Развитие местных и региональных туроператоров, работающих в данном сегменте, зависит от включенности их в сетевые взаимодействия с представителями властей различного уровня. Основой для коммуникации для участников социальных сетей являются неформальные отношения, что обуславливает исключительную источниковую базу кейса – интервью с представителями бизнеса и власти.

Согласно данным исследования в коммерческом секторе существуют два уровня сетевых взаимодействий представителей бизнеса с чиновниками. Первый уровень связан с обеспечением неформальной и теневой деятельности местных хозяйств в низовьях дельты Волги, сложившимся «на базе развалившихся рыбколхозов и предоставляющие услуги «диким» туристам. Незаконно действующая инфраструктура частных рыбовладений насчитывает более 150 хозяйств, которые в течение года принимают около 1 млн туристов, что обусловлено низкой себестоимостью (за счет ухода от налогов) и доступной для широкого круга потребителей ценовой политикой предлагаемых услуг. Сетевое взаимодействие с представителями местной власти, контрольно-фискальных служб и правоохранительных органов дает возможность беспрепятственно осуществлять коммерческую деятельность: *«Люди, развивая так называемые турбазы на своих территориях чувствуют себя комфортно. Они со многими знакомы, знают начальников инспекций, начальника местной полиции и т.д.. Они на местах решают все необходимые вопросы, возят беспрепятственно людей в пограничную зону... Не выходя при этом даже на местный, не говоря уже об региональном, уровень власти, оставаясь в своих сельских поселениях».*

Второй уровень сетевых отношений в сфере экологического туризма охватывает взаимодействие региональных туроператоров, включенных в «Единый федеральный реестр туроператоров России» и чиновников регионального уровня. Данный бизнес является преимущественно с московской географией (80 % от всех предприятия), что существенно ограничивает возможности для финансирования регионального бюджета. Органы власти компенсируют данное обстоятельство теневыми формами. Созданные ассоциации туристического бизнеса для решения проблем, связанных с преодолением административных барьеров, в течение десятилетия демонстрировали свою неэффективность, пока не возникла Астраханская туристическая гильдия, которая с формальной стороны обеспечивает условия для институционализации социально-экономического сотрудничества с ведущими туроператорами, с неформальной стороны: *«эта организация создавалась узким кругом людей для решения своих собственных интересов... Ее задача – формирование клубной системы неформальных контактов и связей для московского туристического лобби. Губернатора время от времени не устраивает положение дел в данной отрасли, ведь деньги уходят из регионального бюджета как от действия легальных, так и нелегальных туроператоров. Вокруг него появляются люди, которые иницируют перспективные проекты и конструктивные предложения.*

При губернаторе действует Совет по туризму, который объединяет в себе заинтересованных публичных субъектов: «...губернатору туризм был всегда достаточно интересен, но постоянно почему-то получалось так, вокруг него обязательно окажутся люди, которые эту заинтересованность используют в своих частных интересах... Министерство спорта и туризма – это такая организация, куда устраивают на работу детей и родственников высокопоставленных чиновников, с которых серьезных решений никто не требуют... Достаточно создавать иллюзию работы и обеспечивать неформальное взаимодействие...». «Например, в презентационных материалах Правительства Астраханской области «Астрахань туристическая» в 50 % рекламного материала, позиционируются услуги нелегальных туроператоров».

Вместе с тем, представители региональных структур говорят о том, что региональные туроператоры активно включены в социально-экономическое развитие тер-

риторий: «...некоторые компании, в последние годы уделяют внимание экологическим аспектам своей деятельности, т.е. они вкладывают некоторые средства в воспроизводство биоресурсов, оплачивают выращивание рыбной молоди, либо организуют мероприятия по их спасению, участвуют в озеленении территорий...». Представитель региональной власти подчеркивает, что на легальных туроператорах лежит груз социальной ответственности, связанный с профессиональной подготовкой местных жителей, с ориентацией на трудоустройство в сервисных службах туристического бизнеса».

Данный кейс является ярким примером производства социальной сетью социального капитала клубного блага, что при конвертации его в политический капитал создает условия для доминирования неформальных политических практик над формальными.

Публичные институционализированные формы политического капитала становятся фасадом для неформальных правил игры и отношений. Представители данной сети подчеркивают инертный характер сетевых взаимодействий, обусловленный поддерживающей, закрыто-охранительной деятельностью стратегией: «Я ушел из органов власти, потому что любая инновация, любой проект не просто не находил поддержки, а воспринимался враждебно... Я ушел в рекламно-туристический бизнес, где существует определенная свобода действий и относительная возможность для творческой реализации проектов, основанных на экономической целесообразности и эффективности для всех заинтересованных участников рынка туристических услуг».

Российские исследователи описывают наложение формальных и неформальных политических практик в деятельности социальных сообществ сосуществованием разнонаправленных тенденций социетальной дезинтеграции макросреды наряду с социальной интеграцией микросред, которые характеризуют фрагментированный несистемный политический порядок. «В сегментированном социуме, разделенном на множество микросред (общностей с разной степени интегрированности и идентичности), затруднено установление избирательного сродства между формальными и неформальными институтами», – пишет А.Д. Хлопин – затруднено установление избирательного сродства между формальными и неформальными институтами» [14, с. 52–53]. Из четырех способов взаимодействия между формальными и неформальными институтами, которые были выделены Г. Хелмке и С. Левитски, – комплементарного, согласующего, конкурентного и замещающего – в российской институциональной среде преобладают два последних. Первые два – комплементарный и согласующий – либо свидетельствуют о наличии избирательного сродства между формальными институтами и практиками по производству и воспроизведению установленных в них норм и правил, либо согласуют в некую более или менее приемлемую конфигурацию. «Конкурирующие неформальные институты создают у акторов такие стимулы, которые не совместимы с формальными правилами, следуя одному правилу, нельзя не нарушать другое. К числу примеров относятся клиентелизм, патримониальное господство, клановая политика и другие частные институты. Конкурентный способ взаимодействия между социальными нормами и предписаниями законов возникает в случае сосуществования неформальных институтов со слабыми или неэффективными формальными институтами. Когда же слабые формальные институты не вступают в противоречие с целями акторов, то они, стараясь достичь тех результатов, которые ожидалось от формальных институтов, но получены не были, создают или используют замещающие неформальные институты» [15, с. 11–15].

Ярким примером формирования политического капитала, основанного на клубном благе, местническими сетями, которые составляют сетевой каркас политико-административной элиты Краснодарского края¹. Местнические сети накладываются

¹ Источниками информации о данной сети являются транскрипты 8 глубинных интервью с депутатами Законодательного Собрания Краснодарского края и руководителями департаментов

на всю систему региональной и местной власти Краснодарского края, образуя устойчивые практики патрон-клиентарных отношений, сложившихся вокруг единого центра принятия политических и управленческих решений. По мнению респондентов, инкорпорирующие одновременно и властные диспозиции и диспозиции определенных социальных сетей подчеркивают, что сетевой принцип работает на всех уровнях публичной политики (в рекрутировании политико-административных элит, депутатов региональных парламентов, партийную структуру «Единая Россия»): *«В нынешней ситуации в политику в основном кооптирует власть своих людей. Из властных структур берет и какую-то часть направляет в партийные структуры, в политику, изображает, что она у нас существует, что у нас существует выборность...»*. *«Депутатами очень часто оказываются абсолютно неподготовленные, абсолютно случайные люди, далекие, которые никогда ни при каких обстоятельствах конкурентные выборы не выиграли бы. Но они у нас на коне. Они послушные, они управляемые, они родственники, знакомые, друзья, они в обойме. Вот эта обойма у нас называется и считается профессиональной политикой»*.

Политический капитал региональной политической элиты является результатом конвертации социального капитала клубного блага. В связи с этим, политическая система Краснодарского края характеризуется патримониальными властными отношениями, сопровождающимися формальной слабостью законодательной власти, неконкурентными выборами, контролем парламента со стороны «партии власти»: *«...я была на сессии в ЗСК... Сейчас я вам расскажу... я на всю жизнь разочаровалась в своих демократических идеалах. Собрались депутаты, что-то там обсуждают, айфоны показывают друг другу, а здесь выступает депутат с каким-то проектом закона, и что-то там говорит, "давайте, голосуем". И кто-то из депутатов из зала кричит "за голосуем или против?" "за голосуем, за". Все единогласно "за"... в нашем регионе исполнительная власть намного сильнее законодательной, и то, что предлагает исполнительная власть, на 100 % всегда поддерживается властью законодательной»*.

Наиболее политически значимой фигурой в регионе является губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачев. Он обладает исключительным объемом политического капитала, который распространяется по принципу клубного блага. Вместе со своей командой он продолжает контролировать существенные ресурсы: административные (влияние на федеральные структуры в регионе, символический капитал), экономические (налоги, льготы, государственный заказ, система преференций), политические (способность регионального руководителя отстаивать интересы региона на федеральном уровне, его влияние на региональную политику, уровень контроля за региональными процессами): *«У нас один неформальный центр, я бы сказала, вокруг которого вся политика и движется. Потому что это определенное общество, устойчивое, новые люди туда очень редко входят. Если входят, то это нужные люди, которых кто-то привел»*.

Те же неформальные политические практики демонстрирует социальная сеть охотников в Астраханской области. Критерием вхождения в социальную сеть является не столько увлечение охотой, сколько диспозиции ее акторов во властных структурах. Сеть объединяет ресурсные диспозиции ее членов в политико-административных, судебных, силовых, экспертно-академических структур региона с присоединяющимся к ним, время от времени, федералов. В сети охотников действует жесткий этический кодекс неформальных норм и правил с ограничениями на вход. «Новички», желающие вступить в сообщество охотников должны пройти ряд испытаний, прежде чем ему будут открыты каналы коммуникации и обеспечен доступ к ресурсам сети. Высказывание участника сети ярко характеризует систему сетевых отношений и характер коммуникации: *«В Астрахани каждый может быть рыболовом, но не каждый рыболов может стать охотником»*. Выезды на охоту воспринимаются ими как воз-

тов и отделов Администрации Краснодарского края, также 2 стенограммы фокус-групповых дискуссий (представители муниципальной и региональных элит).

возможность в неформальной обстановке «способствовать решению важных вопросов». Коридор возможностей, который обеспечивают неформальные институты, действующие в социально-политическом пространстве российских регионов, доступен преимущественно для латентных сетевых структур в результате конвертации социального капитала клубного блага.

Исходя из интерпретации положения, выдвинутого А.И. Соловьевым, с помощью профессиональной деятельности чиновников в системе принятия государственных решений происходит «системный сдвиг», который объясняется тем, что чиновник, участвуя в определении государственных целей, не способен ориентироваться на абстрактные нормы. Он трансформирует их содержание исходя из своей статусной идентификацией и получением социальной ренты, что не просто трансформирует содержание решений, но и создает устойчивые отклонения от предписанных процедур и технологий целеполагания [13, с. 64].

В этой связи региональные кейсы конвертации социального капитала клубного блага демонстрируют охранительные стратегии региональных политических сообществ, препятствующих развитию публичной политики в регионе. Иерархичная структура социального капитала клубного типа характеризуется наличием одной или нескольких центральных точек распределения ресурсов в публичных органах власти, которые представляют собой интерес для периферийных узлов социальной сети, включающих в себя различных акторов.

Важно отметить, что в современных региональных и национальных политиках существуют одновременно две сферы политических взаимодействий – публичная и теневая сфера, в которых функционируют различные политические структуры и акторы [12, с. 70–98]. Публичная сфера политического пространства основывается на институциональной среде гражданского общества, способствует формированию общественного дискурса, эффективному представительству гражданских интересов и легальных схем и технологий администрирования, ориентированных на общегражданские интересы. Теневая сфера политического пространства включает в себя политические взаимодействия ресурсно-обеспеченных групп, состоящих в сетевых коалициях, элитарных альянсах. Данные латентные структуры используют серые и коррупционные схемы и технологии ресурсного обмена в политико-административной подсистеме, которые ориентированы на групповые и персональные интересы и приоритеты.

Эмпирические исследования сетевых структур региональных политик Краснодарского края и Астраханской области показали, что открытые социальные сети несут в себе мощный потенциал низовой гражданской активности, способствующей формированию общественно-значимого дискурса регулирования государственного администрирования и влиянию на решения общественно-значимых проблем. Институционализированные формы политического капитала открытых сетевых структур способствуют формированию акторов публичной политики и расширению ее границ. *Ориентируясь на развитие, открытые социальные сети, обнаруживая нереализуемые в рамках существующей институциональной среды публичной политики возможности, изменяет институты, которые впоследствии обеспечат закрепление нового политического порядка. Закрытые социальные сети, в свою очередь, воспроизводят латентные структуры, неформальные и теневые практики которых способствуют не только сужению, но и трансформации сферы публичной политики регионов.*

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл : пер. с фр. / П. Бурдые ; отв. ред. Н. А. Шматко. – Санкт-Петербург : Алетей, 2001. – 562 с.
2. Дискин И. Е. Прорыв: как нам модернизировать Россию / И. Е. Дискин. – Москва, РОССПЭН, 2008. – С. 220–234.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.
4. Курбатова М. В. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона / М. В. Курбатова, С. Н. Левин, Е. С. Каган // Общественные науки и современность. – 2010. – № 6. – С. 37–51.

5. Ледяев В. Г. Эмпирические исследования власти в городских сообществах: проблемное поле / В. Г. Ледяев // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 45–46.
6. Морозова Е. В. Инвесторы политического капитала: социальные сети в политическом пространстве региона / Е. В. Морозова, И. В. Мирошниченко // ПОЛИС. – 2009. – № 2. – С. 61–76.
7. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в Современной Италии : перев. с англ. / Р. Патнэм. – Москва : Ad Marginem, 1996. – 288 с.
8. Пушкарева Г. В. Кризисное поле российской демократии / Г. В. Пушкарева // Демократия и федерализм в России / под ред. Ю. А. Красина, М. Х. Фарукшина и др. – Москва : РАПН, РОССПЭН, 2007. – С. 53.
9. Радаев В. В. Социальный капитал как научная категория / В. В. Радаев // Общественные науки и современность. – 2002. – № 4. – С. 4–23.
10. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 325 с.
11. Сажина В. А. Социальный капитал малых сообществ : дис. ... канд. соц. наук / В. А. Сажина. – Москва, 2011.
12. Соловьев А. И. Латентные структуры управления государством, или игра теней на лице власти / А. И. Соловьев // Полис. – 2011. – № 5. – С. 70–98.
13. Соловьев А. И. Трансъячейные структуры как форма строения и источник саморазвития государства / А. И. Соловьев // Полис. – 2006. – № 6. – С. 64.
14. Хлопин А. Д. Политическое и социальное в российской институциональной среде: проблема трансформации социума клик / А. Д. Хлопин // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С. 52–53.
15. Helmke G. Informal institutions and comparative politics: A research agenda / G. Helmke, S. Levitsky // Perspectives on politics. – 2004. – Vol. 2, № 4. – P. 11–15.

References

1. Burde P. *Prakticheskiy smysl*. St. Petersburg: Aleteyya, 2001, 562 p.
2. Diskin I.Ye. *Proryv: kak nam modernizirovat Rossiyu*. Moscow: ROSSPEN, 2008, pp. 220–234.
3. Koulman Dzh. Kapital sotsialnyy i chelovecheskiy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2001, no. 3, pp. 121–139.
4. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan Ye.S. Struktura sotsialnogo kapitala kak faktor institucionalnogo razvitiya regiona. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2010, no. 6, pp. 37–51.
5. Ledyayev V.G. Empiricheskie issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: problemnoe pole. *Politicheskaya nauka*. 2003, no. 3, pp. 45–46.
6. Morozova Ye.V., Miroshnichenko I.V. Investory politicheskogo kapitala: sotsialnye seti v politicheskom prostranstve regiona. *Polis*. 2009, no. 2, pp. 61–76.
7. Patnem R. *Chtoby demokratiya srobotala: Grazhdanskie traditsii v Sovremennoy Italii*. Moscow: Ad Marginem, 1996, 288 p.
8. Pushkareva G.V. Krizisnoe pole rossiyskoy demokratii. *Demokratiya i federalizm v Rossii*. Moscow: RAPN, ROSSPEN, 2007, p. 53.
9. Radaev V.V. Sotsialnyy kapital kak nauchnaya kategoriya. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2002, no. 4, pp. 4–23.
10. Radaev V.V. *Sotsiologiya rynkov: k formirovaniyu novogo napravleniya*. Moscow, 2003, 325 p.
11. Sazhina V.A. *Sotsialnyy kapital malykh soobshchestv*. Moscow, 2011.
12. Solovev A.I. Latentnye struktury upravleniya gosudarstvom, ili igra teney na like vlasti. *Polis*. 2011, no. 5, pp. 70–98.
13. Solovev A.I. Transyacheistye struktury kak forma stroeniya i istochnik samorazvitiya gosudarstva. *Polis*. 2006, no. 6, p. 64.
14. Khlopin A.D. Politicheskoe i sotsialnoe v rossiyskoy institutsionalnoy srede: problema transformatsii sotsiuma klik. *Politicheskaya nauka*. 2003, no. 3, pp. 52–53.
15. Helmke G. Informal institutions and comparative politics: A research agenda / G. Helmke, S. Levitsky // Perspectives on politics. – 2004. – Vol. 2, № 4. – P. 11–15.

ВОЛОНТЕРСТВО КАК КАНАЛ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Айбазова Фатима Умаровна, доктор исторических наук, доцент

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия
369001, Россия, Карачаево-Черкесская Республика, г. Черкесск, ул. Ставропольская 36
E-mail: kuliabceva@mail.ru

Статья посвящена исследованию исторических и теоретических основ современного волонтерского движения. Автор приводит примеры из российской и зарубежной практики. Особое внимание уделено выяснению объективных и субъективных причин пока еще низкой активности российских граждан в реализации гражданских инициатив.

Ключевые слова: волонтерство, гражданские инициативы, гражданская активность, гражданское общество, неполитическая активность.

VOLUNTEERING AS A CHANNEL OF CIVIL INITIATIVES AT REGIONAL LEVEL

Aybazova Fatima U., D.Sc. (History), Associate Professor

North Caucasian state humanitarian and technological academy
36 Stavropolskaya st., Cherkessk, Karachaevo-Circassian Republic, Russia, 369001
E-mail: kuliabceva@mail.ru

Article is devoted to research of historical and theoretical bases of modern voluntersky movement. The author gives examples from the Russian and foreign practice. The special attention is given to clarification of the objective and subjective reasons of still low activity of the Russian citizens in realization of civil initiatives.

Keywords: volunteering, civil initiatives, civil activity, civil society, non-political activity.

Истории человечества не известно такое общество, которому были бы чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. Добровольная помощь, оказываемая человеком, проистекает из сущности бескорыстного служения высшим идеалам человечества и не преследует целей достижения личного благополучия за счет извлечения прибылей, получения оплаты за труд. Именно потому, что добровольцы стремятся улучшить реальность вокруг себя без принуждения, делясь с окружающими и обществом самым дорогим, что есть у человека – временем своей жизни, добровольчество является основой благотворительности. Добровольчество формирует новую социальную реальность, к которой стремятся люди ее создающие.

Добровольная помощь может принимать различные формы: от традиционных видов взаимопомощи до совместных усилий тысяч людей, направленных на преодоление последствий стихийного бедствия, урегулирование конфликтных ситуаций, искоренение бедности. Добровольная помощь включает в себя действия, предпринимаемые на местном, общенациональном и международном уровнях, а также на уровне международного сообщества в целом, которые осуществляются, невзирая на границы.

Вовлеченность в добровольчество не имеет религиозных, расовых, возрастных и даже политических границ. Многочисленные транснациональные платформы и сети добровольческих некоммерческих организаций привлекают в свои проекты и программы свыше сотни миллионов людей ежегодно.

Волонтерство как идея социального служения почти столь же древняя, как и понятие «социум». В обществе всегда находились люди, для которых способом самореализации, самосовершенствования, связи и общения с другими людьми был труд на благо того сообщества, в котором этому человеку довелось родиться и / или жить. Однако только в XX веке, на пропавшем войной и индивидуализмом европейском континенте добровольчество стало приобретать черты всеобщего социального феномена.